041989

6 3 4

ТУ-19-241-82

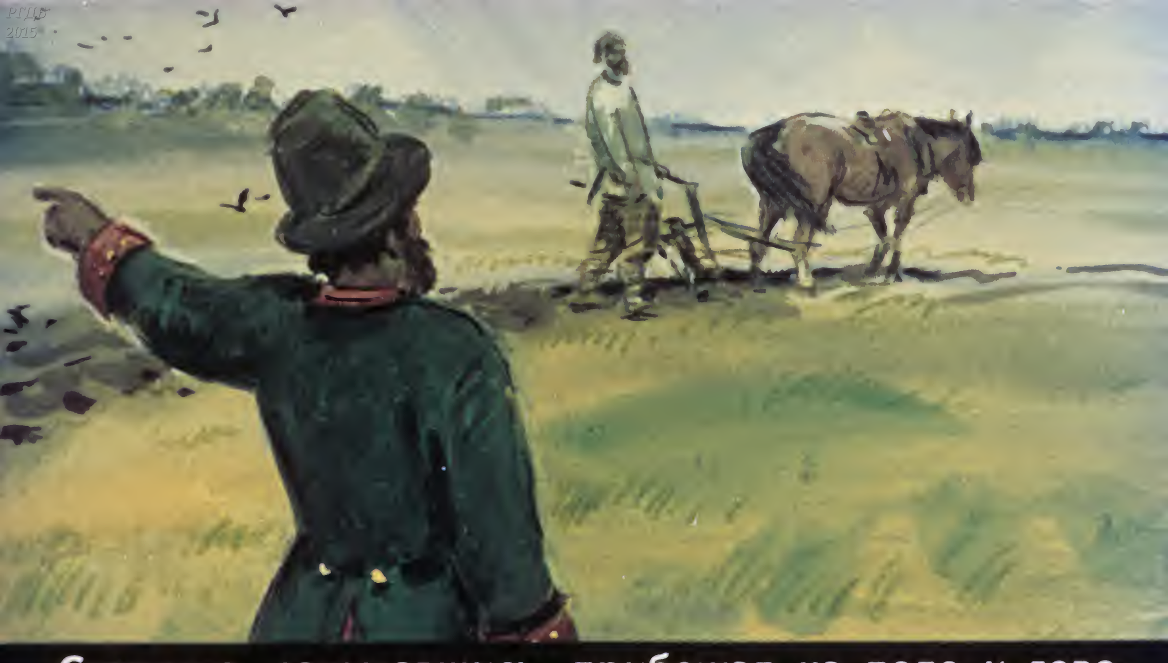
Л 2 Ч

1

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—049

РГДБ
2015
Вл. Муравьёв
Запретное чудо
Художник
Б. Игнатьев

Староста, запыхавшись, прибежал на поле и говорит Петькиному отцу: «Тимофеич, быстро наруби воз еловых веток и отвези к графу в Останкино. Да выбирай которые попышнее. Ёлки надо, чтобы дворец украшать».

А Петька тут как тут, просит: «Тятя, возьми меня с собой». — «Ладно, поедем, — согласился отец. — Пособишь в лесу ёлки рубить».

Везёт Тимофеич ветки и ворчит: «В поле работы полно, а тут ради пустой барской забавы день пропал...» Однако нельзя ослушаться приказа: Тимофеич—крепостной графа Шереметева. И Петька, и староста, и все мужики в их деревне тоже крепостные, тоже рабы графа.

Долго ехали Петька с отцом. Проезжали деревни, поля, леса, а Тимофеич всё приговаривал: «И деревня графская, и поле его, и лес... Говорят, наш-то граф самый богатый человек в России».

Но вот показалось Останкино.

Петька во все глаза смотрел по сторонам. Вон, щёлкая большими ножницами, садовник подстригает кусты. А деревья и кусты одни других чудней: одни — как шары, другие — словно веретено, третьи — будто ровная стенка.

На полянке живописец на большой холстине, натянутой на раму, рисовал жеребца с человеческой головой.

В углу двора, глядя на размахивающего руками лохматого человека, музыканты играли на скрипках, жалейках и каких-то других неведомых Петьке инструментах.

Из дворца вышел господин и закричал: «Ёлки вези на задний двор!»

«Это граф!—спросил Петька.—А пуговицы-то, видать, золотые...»—«Нет, не граф,—ответил отец.—Это сочинитель Вороблевский. Книжки сочиняет. А сам—тоже крепостной...

У графа все крепостные—и живописцы, и музыканты. Живут они в том флигеле под замком, ровно арестанты: их никуда не пускают, к ним даже родне ходить не разрешают. Одно слово—рабы».

В Останкине шли приготовления к празднику: завтра именины графа. Слуги сбились с ног. Тимофеича послали помогать плотникам,

а Петьке лакей Филимон вручил суконку и велел натирать до блеска дверные медные ручки в комнатах.

Но, войдя во дворец, Петька остановился на пороге первого же зала, не решаясь ступить дальше. Стены разрисованы, как в церкви, везде золото, пол гладкий и блестящий.

Филимон подтолкнул его в затылок: «Иди работай, не глазей». Петька шёл из зала в зал, и один зал был чудеснее другого.

Вдруг он услышал голоса и увидел сочинителя Воробьевского, который что-то говорил молодой красивой женщине. Возле белого ящика сидел лохматый человек, который давеча махал руками перед музыкантами.

Петька засмотрелся на них и забыл про дверные ручки.

К нему подошёл Вороблевский и положил руку на плечо: «Нравится?»—«Очень нравится...»—«У Параши настоящий талант. Ей бы не здесь, а в столичном театре играть»,—проговорил Вороблевский и почему-то вздохнул.

После обеда Петьку послали с садовниками развешивать по деревьям фонари.

В парке работала вся дворня: и конюхи, и лакеи, и повара. Тимофеич, глядя на украшенный парк, сказал: «Мороки много, а красиво получилось». Но лакей Филимон возразил: «Это что! Вот кабы ты театр поглядел, это — да!»

Услышав про театр, Петька навострил уши. Да и остальные тоже примолкли. Все в Останкине жили возле театра, постоянно слышали про театр, но никому из слуг не приходилось видеть спектакли, их на представления не пускали.

«Театр—это чудо,—продолжал лакей.—Музыка играет, на сцене—великолепие, как в раю, а артисты—Мавра, Нюшка и другие, как на сцену выйдут, сразу превращаются в ангелов...»—«Как же так, Нюшка—и вдруг в ангела!»—спросила кухарка Марья. «Потому что—театр...

Я представление-то удостоился видеть по особому милостивому разрешению его сиятельства,— хвалился Филимон.— Вон там, за углом, дверь, за ней лесенка вверх, на галерею. С той галереи и смотрел через щёлку. Чудо, настоящее чудо».

Петьку уложили спать на сеновал. Он очень устал, но едва опустил голову на подушку,

как его окружили причудливые видения. Он видел какой-то зал. Звучала музыка. Прямо по воздуху летали девушки в белых одеждах, похожие на Парашу. Петька спросил: «Где я!» Ему ответили: «Ты в театре».

От волнения Петька проснулся. Он вспоминал дворец, Парашу, рассказ Филимона, свой сон. И ему захотелось во что бы то ни стало увидеть этот театр. Умом он понимал, что это невозможно, но охватившее его дерзкое желание заглушало все доводы разума.

Наступил день праздника. Утром управитель собрал дворню и объявил: «Его сиятельство граф приказали, чтобы в праздник ни одна ваша неумытая рожа не высовывалась ни в парк, ни во дворец и не портила бы вида. Кто будет замечен в нарушении приказа, не жди пощады».

Под вечер начали съезжаться гости—князья да графы, генералы да сенаторы. Граф Шереметев встречал гостей.

Зашло солнце, но в Останкине от фонарей было светло, как днём. По пруду плавали украшенные разноцветными фонариками лодки с музыкантами.

Гости удивлялись богатству праздника. «Великолепно!»—говорил один генерал. «Такой роскоши я не видел даже в императорском дворце»,—вторил ему сенатор.

Послышался нежный звон колокольчика, начиналось представление в театре. Со всех концов парка гости потянулись к парадному входу.

Петька, спрятавшись за кустами в тени бокового флигеля, жадно рассматривал красочное шествие. И вдруг он заметил, что стоит рядом с той самой дверью, про которую говорил лакей Филимон.

Дверь была не заперта. Петька приоткрыл её. Да, это она! Вон и лестница вверх, на галерею. Петька колебался. Потом махнул рукой: будь что будет,— и юркнул в темноту.

Крутая лестница привела на тёмную галерею, отделённую от зрительного зала плотной занавеской. Через дырку в материи пробивался свет. Сердце у Петьки билось и замирало.

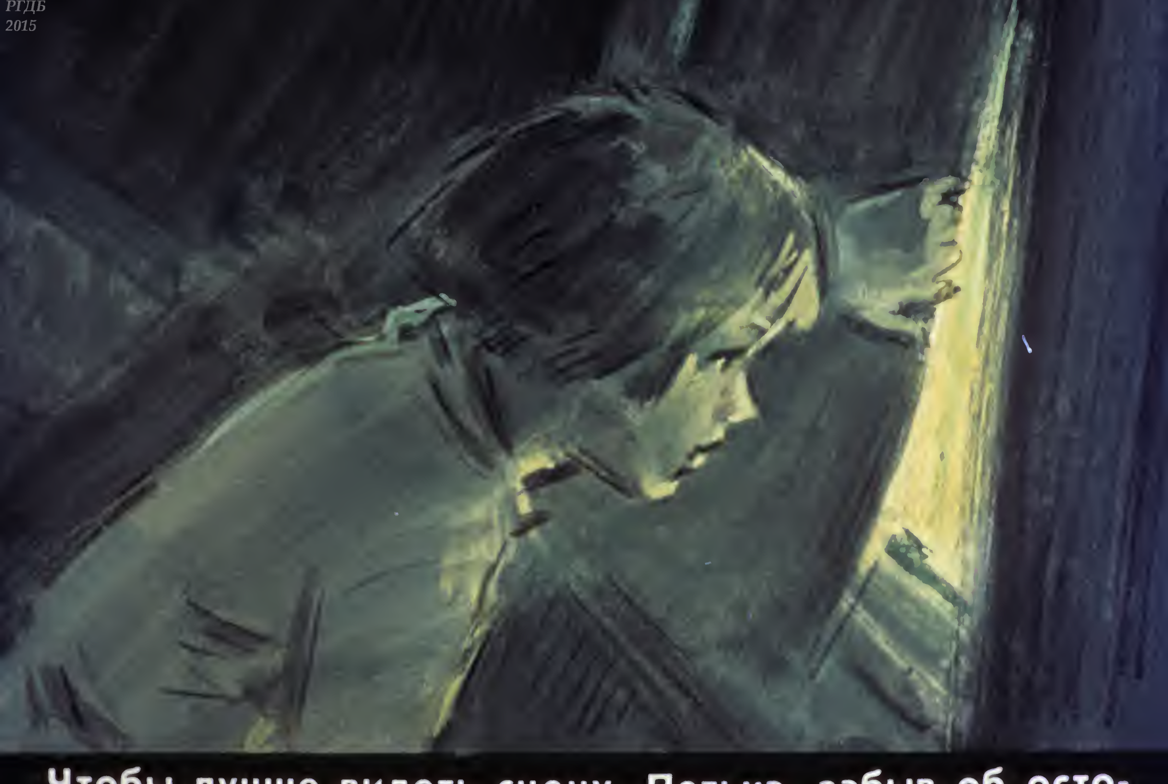
Петька посмотрел через дырку. Он увидел зал, чем-то похожий на виденный вчера во сне, и в конце зала ярко освещённую картину в раме. На картине нарисованы деревья, Параша, парень в немецкой одежде.

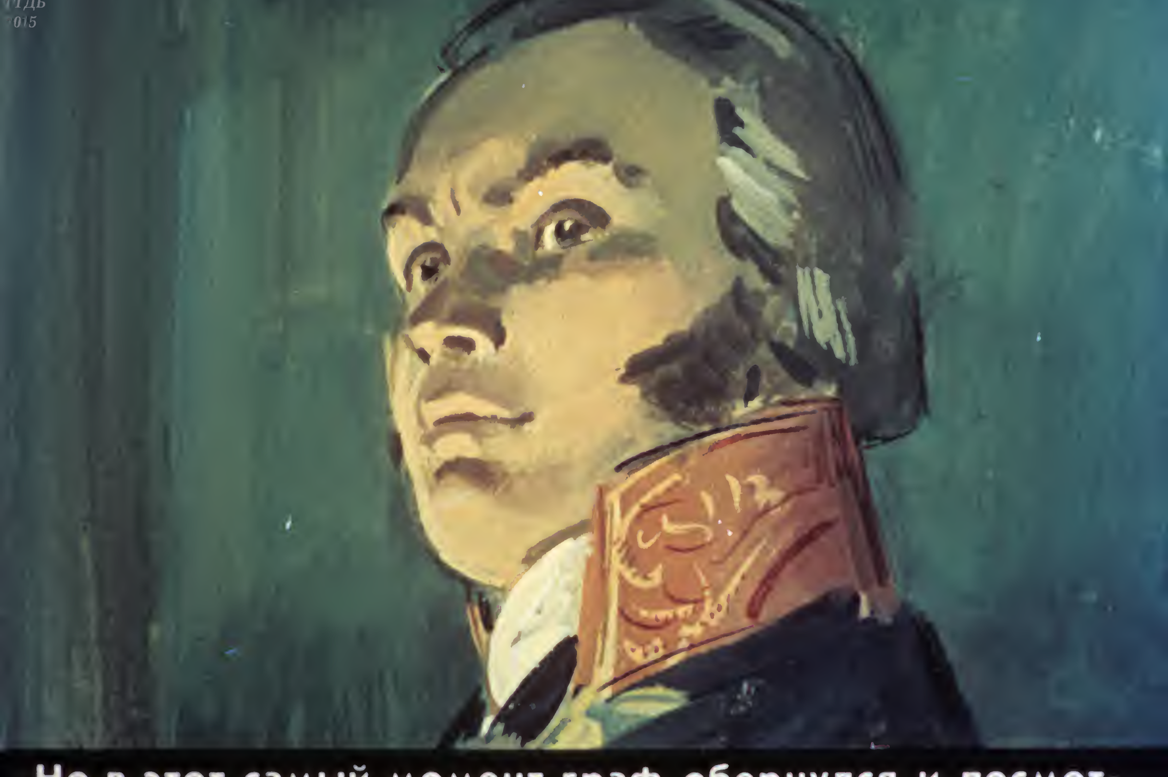
Вдруг Параша и парень зашевелились. «Алекс, я люблю тебя,—говорит Параша,—но отец не согласен выдать меня за тебя, потому что ты беден».— «Я поеду в чужие страны и заработаю много денег!»—воскликнул парень.

Старая дама, сидевшая в ложе рядом с графом Шереметевым, сказала: «Сегодня ваши артисты превзошли самих себя. Неужели все — ваши крепостные!» — «Да, княгиня, все до одного». — «Удивительно. Откуда такие таланты у мужиков и мужичек!..»

Чтобы лучше видеть сцену, Петька, забыв об осторожности, отодвинул занавеску.

Но в этот самый момент граф обернулся и посмотрел на галерею.

Он подозвал лакея: «Кто там, на галерее! Забыли мой приказ!»—«Мы никого не пускали»,—испуганно пролепетал лакей. «Взять и тотчас выпороть, кто бы это ни был. Да так, чтобы другим неповадно было!»

«Я буду ждать тебя, мой милый»,— с нежной, ласковой улыбкой сказала Параша.

Вдруг сильные грубые руки схватили Петьку. Ему зажали рот и куда-то потащили...

После наказания на конюшне Петьку принесли в людскую. Следом прибежал Вороблевский: «Что парнишка?»—«В беспамятстве...»

Но тут Петька очнулся и тихо, еле слышно проговорил: «А я видел театр... Истинно — чудо...» — «Да провались он совсем!—воскликнула кухарка Марья. —Какое мучение ты из-за него принял!»

Петька покачал головой: «Нет... Кабы дали ещё разок посмотреть, а потом пусть опять на конюшню...» И он снова потерял сознание.

Вороблевский закрыл лицо руками и разрыдался.

Художественный редактор
В. Дугин
Редактор **Г. Витухновская**
Д-040-89

103062, Москва, Старосадский пер., 7
Цветной 0-30

